

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

Скрытая трагедия тех, о ком забыли

МККК

Международный Комитет Красного Креста
19 Avenue de la Paix
1202 Женева, Швейцария
Т + 41 22 734 60 01 ☎ + 41 22 733 20 57
E-mail: icrc.gva@icrc.org

www.icrc.org/rus

Оригинал на английском языке
Русская версия подготовлена Региональным
информационным центром МККК в Москве

E-mail: csc.mos@icrc.org

© МККК, сентябрь 2007 г.

Фото на обложке: Хайди Браднер / Панос Пикчерс

Пропавшие без вести: скрытая трагедия тех, о ком забыли

Сколько идут войны, столько люди и пропадают без вести. Так было всегда. Они могут стать жертвами массовых казней, а их тела свалены в какой-нибудь ров, ставший для всех безымянной могилой, как это было на Балканах. Их могут захватить прямо на улице и увести, как это случилось с молодыми людьми в Шри-Ланке. Кого-то могут арестовать дома, а дальше – смерть в тюрьме или содержание “без права переписки” в каком-нибудь тайном месте. Иногда речь идет о гражданских лицах, спасающихся бегством из района боев, или о потерявшихся детях, как это часто случается в Конго. Солдаты могут погибнуть, а их тела могут так и остаться на поле боя. Такое происходило во время войны между Эфиопией и Эритреей. По свидетельствам очевидцев, даже несколько лет спустя кости погибших усеивали места, где проходили бои.

Это – не только трагедия для самого пропавшего без вести, но еще от нее страдают и другие люди – его родственники. Они пребывают в томительном неведении, и

даже если думают, что их близкий погиб, не решаются его оплакать по обычаям своей страны. Раз нет официальных доказательств смерти, остается призрачная надежда на чудо, никак не ослабляющая чувство мучительной неизвестности. Может быть, он или она находится где-то в секретной тюрьме или живет на чужбине. Многие тратят годы и все сбережения на поиски, которые так и не приносят результата. Такие люди часто попадают в руки мошенников, выдающих себя за юристов и обещающих содействие, но лишь теряют с ними последние деньги.

У этой трагедии есть не только эмоциональный аспект. Ведь кроме горя, есть и тяжелейшие материальный последствия. Часто пропадает кормилец семьи, и его жена или мать обречены на нищету. И даже оформить документы близким пропавшего без вести человека не всегда удается. Во многих странах справка о том, что человек официально может считаться погибшим или пропавшим, выдается лишь много лет спустя, а без нее оставшиеся родственники не могут ни переехать, ни

Законное право на информацию

Право на получение информации об участии родственника находится в центре внимания международного гуманитарного права и права прав человека, и его нужно уважать. Соответствующие юридические обязательства изложены в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним, а также в новой Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений. Требования международного права на этот счет ясны: все, что ведет к исчезновениям людей, - незаконно, а родственников надлежит незамедлительно информировать о взятии в плен, ранении или кончине члена семьи. Проблема в том, чтобы государства приняли и начали выполнять соответствующие нормы. "Если бы все соблюдали международное гуманитарное право, то не было бы пропавших без вести во время вооруженных конфликтов", - говорит Мария Тереса Дутли, глава Консультативной службы МККК по международному гуманитарному праву.

«Хотя бы косточки сына найти, и то было бы легче»

продать имущество, ни провести траурные обряды, а жена все эти годы не считается вдовой и не может связать свою жизнь с другим человеком.

Для того, чтобы помочь семьям выяснить участь пропавших родственников и решить эту острейшую гуманитарную проблему, делается очень мало.

На восточной окраине Тбилиси живет Гулико Экизашвили. Она принимает тех, кто к ней приходит, в маленькой комнате, которая служит ей и спальней, и гостиной. Потолок над ее кроватью весь в трещинах после землетрясения. Гулико – почтенная 57-летняя женщина, одетая во все черное. У нее голубые глаза, а седеющие волосы собраны в аккуратный пучок. На одной из стен – целая галерея фотографий сына – красивого молодого человека с кудрявыми волосами и пронзительным взглядом. На одних он серьезен, на других – гордо показывает приемы боевых искусств на какой-то лужайке.

Она вспоминает о том, как конфликт, вспыхнувший в 1992–1993 гг. в Абхазии, лишила ее сына.

“Мой сын Бесариони родился 19 июля 1971 г. в Тбилиси. Он учился на борт-механика, особо прилежным студентом не был, зато увлекался рисованием и карате. Сильным был, “черный пояс” имел.

Он решил пойти на войну. Сказал мне: “Нужно родину защищать” и уехал в Абхазию 4 июля 1993 г. 15 июля мы узнали, что почти все бойцы из его батальона погибли, а сам Бесариони лежит в госпитале с ранением колена. На следующий день мы с мужем сели в самолет и полетели к нему. Госпиталь нашли, а сына там уже не было.

Мы – небогаты, поэтому пришлось мне вернуться в Тбилиси и продать свои золотые украшения, а потом снова поехать в Абхазию на поиски сына. Муж тоже ушел воевать, а я ходила по деревням, везде показывала фото Бесариони и спрашивала: “Не видели его? Он – высокий

и очень красивый”. Везде искала, искала и среди тел погибших, разбросанных в лесу. И тут до меня дошел слух, что тела сбрасывали с обрыва в Цугуровке. Это – единственное место, куда мне не удалось попасть. На ночь меня иногда пускали в военные лагеря, а чаще всего приходилось спать на скамейках на автобусных остановках.

В сентябре бои стали ожесточенными, и мне пришлось вернуться в Тбилиси – дочку нужно было в школу готовить. Как-то удалось найти местечко в переполненном самолете. К тому времени меня уже знали все солдаты. Они меня спрашивали: “Ну, что, удалось найти вашего красивого мальчика?”.

А спустя семь лет умер муж. Перед смертью, придя ненадолго в сознание, он мне сказал: – “Я видел нашего мальчика. Он жив”. Я стала его расспрашивать: “Где он?”. Но ответить не успел.

Тут Гулико не смогла сдержать слез.

“Ему ведь всего 22 года было. Он был такой добрый, такой талантливый. Я все деньги истратила, к гадалкам в Азербайджан ездила, и каждый раз они мне говорили, что он жив.

“В 2003 году поехала в Сочи. Там я заплатила одному знакомому знакомому, чтобы он поискал сына по тюрьмам. О поездке дочери ни слова не сказала – она бы в жизни меня туда не отпустила. Теперь моя главная цель – попасть в Цугуровку, на то место под обрывом. Хотя бы косточки сына найти, и то было бы легче”.

Гулико потеряла сына 14 лет назад, но боль от утраты все не утихает. По всему миру похожие истории могли бы рассказать сотни тысяч людей, чьи близкие пропали без вести во время конфликтов в самых разных районах: на Северном и Южном Кавказе, на Балканах, в Непале, Шри-Ланке, Ираке, Индонезии, в большинстве стран Африки или почти в любом государстве Латинской Америки.

Необходимо действовать

*«Работать,
исходя из реальности»*

До недавнего времени международное сообщество мало занималось проблемой пропавших без вести. “Проблема долго считалась абсолютно неустраняемой”, – говорит Пьер Кренбюль, директор Управления оперативной деятельности МККК в Женеве. А потом, в 1990-е годы взорвались Балканы, и там пропало без вести более 20 тысяч человек. Семьи отреагировали на исчезновение близких с небывалой энергией и твердостью, что создало для работников гуманитарных организаций совершенно новую ситуацию. Патриция Данци, советник Пьера Кренбюля по политическим вопросам, вспоминает, что ей довелось испытать тогда: “Семьи были очень настойчивы и действовали сообща. Люди хотели знать, что мы уже сделали, как идет работа, чем завершились наши переговоры. Они устраивали демонстрации под окнами наших офисов, чтобы об их проблеме не забывали”.

МККК удвоил свои усилия, чтобы заняться этой проблемой на международном уровне и доказать, что и здесь можно и необходимо что-то сделать. Делегации по всему миру работают с десятками тысяч дел. Однако до сих пор невозможно установить точное число пропавших без вести во всем мире. Для МККК пропавший без вести – лицо, исчезнувшее в результате вооруженного

конфликта – неважно, международного или внутреннего, о котором ничего не известно. Пропавшими без вести могут быть военнослужащие и гражданские лица, то есть любой человек, о судьбе и местонахождении которого его близким ничего не известно.

Отсутствие политической воли у ответственных лиц, которых данная проблема непосредственно касается, и недостаточно налаженное сотрудничество с теми, кто мог бы убедить этих лиц начать действовать, часто превращают профилактику и прояснение случаев исчезновений, связанных с вооруженными конфликтами, в труднейшую задачу. Информация придерживается для того, чтобы использовать ее как оружие в борьбе с врагами или несогласными. Лидеры, чья власть основана на ненависти к другой общине, препятствуют любой попытке решить проблемы пропавших без вести, чтобы остаться у руля. Во многих случаях, особенно когда исчезновения связаны с массовыми казнями или преднамеренными нападениями на гражданских лиц, руководители и авторитетные общественные деятели могут оказаться не в состоянии дать ответ или не желают его давать из опасения, что именно на них будет возложена ответственность за эти случаи.

По мнению Пьера Кренбюля (МККК), “действовать нужно начинать с профилактики с первых минут конфликта”. В случае международного конфликта в обоих участвующих в нем государствах должны быть созданы бюро по сбору информации о военнопленных, интернированных и умерших и предприняты усилия для отправки останков на родину. Можно зарегистрировать самых уязвимых гражданских лиц, каковыми являются женщины и дети. Военнослужащим рекомендуется постоянно носить опознавательные жетоны.

В разгар конфликта, конечно, прежде всего нужно находить живых, и только потом разбираться со случаями, когда почти точно известно, что пропавший человек умер. МККК и другие гуманитарные организации стремятся получить доступ к гражданским лицам, а также к раненым, больным и пленным военнослужащим, жизнь которых находится в опасности. Группы сотрудников МККК оценивают потребности, возникающие в результате насилия, и собирают информацию о событиях, которые привели или еще только могут привести к исчезновению людей. Затем они устанавливают контакт с властями и обсуждают с ними меры, которые надлежит принять им самим, МККК или другим гуманитарным организациям.

Что делает МККК?

В 2002 г. МККК приступил к изучению возможных путей совершенствования помощи, оказываемой как самим пропавшим без вести в результате вооруженного конфликта или ситуации насилия внутри страны, так и их близким. Цель состояла в том, чтобы пересмотреть методы предупреждения исчезновения людей, рассмотрения досье пропавших без вести и оказания помощи их семьям. Затем МККК согласовал программу, основанную на обобщенном опыте, и начал продвигать этот вопрос с целью его включения в международную повестку дня.

В 2003 г. состоялась международная конференция, в которой приняли участие около 120 представителей правительственных учреждений, гуманитарных и правозащитных организаций, участников Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, экспертов и родственников пропавших без вести. Состоявшаяся после этой встречи XXVIII Международная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца приняла Повестку дня для гуманитарной деятельности, где были четко определены цели государств и Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Повестка дня исходит из того, люди имеют право знать, что произошло с их близкими, которые пропали без вести.

С тех пор МККК продолжил свою деятельность в интересах пропавших без вести и их семей. Среди прочего, он принял участие в работе редакционного комитета по составлению проекта Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, которую Генеральная Ассамблея ООН приняла 20 декабря 2006 г. Конвенция включает в себя Декларацию, согласно которой никто не может быть подвергнут насильственному исчезновению, систематическая практика насильственных исчезновений представляет собой преступление против человечности, никто не может быть помещен в секретные места содержания под стражей, как жертву следует рассматривать исчезнувшее лицо и любого, пострадавшего непосредственно от соответствующих действий и каждая семья имеет право знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения своего члена, а жертве полагается возмещение ущерба и компенсация.

В своей речи, произнесенной по случаю принятия Конвенции, президент МККК Якоб Келленбергер подчеркнул “важность введения наказаний, предусмотренных Конвенцией” и призвал государства незамедлительно подписать и ратифицировать Конвенция в качестве вклада в устранение этой практики.

Иногда сделать почти ничего нельзя. Такая ситуация сейчас разворачивается в Ираке. По самым приблизительным оценкам за годы вооруженной борьбы – во время ирано-иракской войны, при режиме Саддама Хусейна и в ходе нынешнего конфликта – там пропали без вести сотни тысяч человек. Беатрис Межеван-Рогго, руководящая оперативной деятельностью МККК на Ближнем Востоке и в Северной Африке, говорит: «Ирак – совершенно особый случай. С точки зрения безопасности там необычайно трудно. Конечно, и раньше бывало, что мы где-то долго не могли заниматься проблемой пропавших без вести, но никогда в течение столь длительного времени. Работать нужно, исходя из реальности – прямо сейчас практически ничего нельзя сделать, кроме оказания помощи законным институтам оборудованием и посредством обучения персонала».

Там, где с безопасностью дело обстоит лучше, бдительность гуманитарных и правозащитных организаций нередко позволяет уменьшить число насильственных исчезновений. Для случаев, когда кто-то пропадает без вести, у МККК и национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца есть система запросов на розыск, бланки которых могут заполнить

родственники. Там указываются имя и фамилия пропавшего, обстоятельства исчезновения, свидетели, а также максимальное количество относящихся к делу подробностей.

Пьер Кренбюль разъясняет: «Завтра утром вы можете посетить тюрьму для проверки двух имен на основании запросов на розыск, поступивших от родственников пропавших лиц. Вы просматриваете реестр, находите нужные имена и фамилии – все сходится. Можно сообщить родственникам о результатах розыска. А для обоих найденных лиц срабатывает эффект защиты – с момента регистрации риск быть казненными без суда и следствия для них существенно уменьшается. А со временем, возможно, исчезновения перестанут происходить в таких масштабах».

«Присутствие на местах может очень существенно способствовать предупреждению исчезновений», – соглашается Сандра Бейдас, возглавляющая отдел защиты в представительстве Управления Верховного комиссара ООН по правам человека в Непале. В настоящее время УВКПЧ осуществляет в Непале свою самую масштабную операцию. «Когда мы начали посещать

«С момента регистрации риск быть казненными без суда и следствия для них существенно уменьшается».

Превентивная деятельность

Меры по предупреждению исчезновения людей

- уважать и защищать гражданских лиц, а также больных, раненых и пленных военнослужащих и участников вооруженных групп;
- уважать и защищать лиц, лишенных свободы;
- обеспечить обмен семейными новостями;
- выявлять и регистрировать лиц, пропавших без вести в результате вооруженного конфликта или ситуации насилия внутри страны;
- обрабатывать информацию надлежащим образом.

армейские казармы, работать стало сложнее, но и число содержащихся под стражей “без права переписки” тоже сократилось. Это отчасти способствовало прекращению исчезновений к 2005 г.”.

И действительно, розыскные мероприятия и регистрация задержанных стали относительно успешными в Непале, мирные жители которого оказались в положении заложников десятилетней кровопролитной войны между правительственными силами и маоистскими повстанцами. Сотни крестьян арестовывали по подозрению в сотрудничестве с неприятельской стороной или просто уводили, и после этого они исчезали. “Во время войны мы посетили 6700 задержанных. Большая часть из них остались живы”, – говорит Жан-Поль Корбо, координатор МККК по защите в Катманду.

Джанак Пандей – один из тех, кому повезло. Этот стройный молодой человек 24 лет сейчас изучает деловое администрирование. Он живет в Непалгундже, главном городе округа Банке на предгорной равнине. Он рассказывает, что во время войны его задерживали дважды. Первый раз он попал к маоистам, но они его

на следующий день отпустили, а через год – в полицию, которая держала его у себя полгода. В течение этих шести месяцев родственники ничего не знали о его местонахождении. Затем его перевели в тюрьму, где делегаты МККК встретились с ним впервые через год после его ареста. “Они присвоили мне номер, и я подумал, что теперь я вряд ли пропаду без вести, а если и пропаду, то меня будут искать. То, что сделал МККК, было для меня сродни божественному вмешательству. Его делегаты мне жизнь спасли”.

Имена пропавших без вести заносились в общую базу данных. Сведения собирались по всей стране сотрудниками МККК, которые обходили дома, получали информацию и перепроверяли ее. В феврале прошлого года МККК опубликовал список из 812 имен пропавших без вести в одной из непальских газет и разместил его на своем сайте в Интернете, что подтолкнуло поделиться с ним информацией родственников других лиц, пропавших без вести. “Многие хранили эту газету как большую ценность, – рассказывает Корбо. – Люди приходили к нам со словами: “Спасибо, спасибо, что вы сделали это. Это подтверждение доказывает, что это правда”.

И все же ни одна организация не может объять необъятное. В прошлом ноябре было подписано мирное соглашение, но до сих пор в списках пропавших без вести почти тысяча человек. Почти четверть из них исчезли в бедном сельском округе Бардия на Среднем Западе Непала, на границе с Индией. Большая часть жертв – принадлежащие к низшим кастам представители этнической группы тхару. Именно они – коренные жители района. Когда бои стихли, небольшая группа семей создала Ассоциацию по розыску пропавших без вести. С помощью МККК она превратилась в организацию окружного масштаба, членами которой являются более 200 семей. Она теперь именуется Комитетом жертв конфликта (КЖК). Его председателю Кришне Чаудхари 31 год. Он – школьный учитель, держится со спокойным достоинством, обычно носит несколько шариковых ручек в кармане рубашки.

В ноябре 2001 г. отец Кришны Чаудхари, тоже учитель, возвращался с работы на велосипеде. Военные задержали его прямо на дороге, а велосипед забросили в овраг. Через десять дней арестовали и Кришну – утром пришли за ним домой. Он увидел своего отца в казармах и ухитрился передать ему 150 рупий. Через несколько дней Кришну выпустили, но велели из дома не выходить. Об отце он больше никогда ничего не слышал. Как и многих других, страх заставил его молчать. “Мы все были настолько запуганы, что вздрагивали, когда где-то залает собака”.

Кришна Чаудхари живет в округе Бардия, в деревне Баиди, расположенной в часе езды от Непалгунджа по

Публикуется с разрешения Рейтер / Марианна Базо

дороге, на которой можно встретить велосипедистов, бродящих коров, ярко раскрашенные грузовики, машины ООН и пешеходов под зонтиками, спасающими их от палящего солнца. Обширные поля по сторонам дороги – серовато-зеленого цвета. Они засажены пшеницей, рисом, кукурузой и ячменем. Пашут здесь на покрытых слоем засохшей грязи буйволах. С главной дороги сворачиваем на грунтовку и едем к поселку, состоящему из глинобитных лачуг размером не крупнее большого шкафа.

Перед домом Чаудхари на привязи пасутся козы. Сам дом по местным меркам строение почти роскошное – он не из глины, а из серого бетона. Сюда из разных деревень пришла группа людей – в основном женщины, которые для такого случая оделись по-праздничному – яркие сари, пластмассовые бусы и фальшивые бриллианты. Они собрались, чтобы, может быть, в тысячный раз рассказать свои истории в надежде, что теперь что-то изменится.

Их рассказы настолько похожи друг на друга, что начинают сливаться друг с другом. “Была середина ночи. Мы спали. Перед домом остановился грузовик, и кто-то выкрикнул имя мужа. Они избили его и увезли”. В других рассказах в дом врываются военные, в третьих – повстанцы. Многие женщины умоляли забрать и их тоже. Некоторые просили убить их вместо мужей, чтобы у детей остались кормильцы.

Сабита Непали – молодая привлекательная женщина из касты “неприкасаемых”. Она рассказывает, что за ее мужем явилась целая группа. Ему завязали глаза, разведенные руки привязали к жерди и так избили, что он еле шел, когда его уводили в джунгли. “А мне пригрозили, что вернутся, если я буду болтать, и перебьют всю семью”. У Сабиты от стресса пропало молоко, и ребенок умер от голода. Она сейчас живет на глинобитной хижине на краю деревни вместе с матерью и оставшимся ребенком. Вытирая слезы, она говорит: “Если у меня такая карма, то с этим ничего не поделаешь, но мне нужна хоть какая-то финансовая помощь, чтобы было на что дочку растить”.

В этом районе, где царит нищета, они – беднейшие из бедных. Государственные школы бесплатны, но за учебники и школьные принадлежности нужно платить: получается где-то три доллара в месяц, что не по карману многим семьям. Ведь часто пропадает без вести именно кормилец семьи. Женщины готовы работать в полях, но и работы на всех не хватает. Возможность добиться справедливости или получить останки для них отступает на второй план. Им бы денег получить немного, чтобы было на что растить детей. До сих пор они не получили от правительства ни рупии в качестве компенсации.

Они ждут, но чувствуют, что ничего не меняется.

Они записываются в разные списки, регулярно посещают офисы международных и национальных организаций. В январе прошлого года в этом самом доме побывала Верховный комиссар ООН по правам человека Луиза Арбур и пообещала привлечь внимание общественности к проблемам этих людей. В мае семьи, вошедшие в Комитет жертв конфликта (КЖК) 20 часов ехали на автобусе в Катманду, чтобы провести пресс-конференцию. На нее собрались правозащитники, журналистов было мало, а из представителей правительства вообще никого не было.

В Катманду МККК признает, что решение проблем пропавших без вести – работа кропотливая и медленная, где продвижение вперед возможно лишь во время конфиденциальных переговоров в тиши кабинетов. “Изменения здесь происходят медленно, на это нужны годы”, – говорит Жан-Поль Корбо.

МГП

Международное гуманитарное право содержит ряд норм, запрещающих насильственные исчезновения. Речь идет о следующих положениях:

- *Семьи имеют право на информацию об участии их пропавших членов.*
- *Стороны в конфликте обязаны разыскивать пропавших без вести и способствовать розыску, который ведут члены семьи исчезнувшего лица.*
- *Должен производиться обмен списками мест захоронений с указанием их точного расположения и обозначения, а также сведений, касающихся погребенных в нем лиц.*
- *Стороны в международном вооруженном конфликте также обязаны предоставлять информацию о раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, военнопленных и других покровительствуемых лицах, лишенных свободы и умерших, в минимальные сроки и без какого бы то ни было неблагоприятного различия.*
- *Плененные военнослужащие и гражданские лица, оказавшиеся во власти противной стороны, имеют право на уважение своей жизни, достоинства, личных прав и убеждений. Они должны быть ограждены от любых насильственных действий и репрессалий. Они имеют право на переписку с родственниками и на получение посылок с помощью.*

В округе Бардия МККК финансировал создание мини-радиосериалов на языке народности тхару. Семиминутные радиопостановки воспроизводят ситуации из реальной жизни, связанные с исчезновениями людей. В программах рассказывается о правовых и социальных последствиях этого явления, а также подчеркивается важность регистрации в списках МККК. Продюсер сериала журналист Экрай Чаудхари (просто однофамилец Кришны) считает, что район так сильно пострадал во время войны, потому что радиостанции слишком мало времени отводили вещанию на языке тхару. Во время войны информация не доходила до тхару. Они узнали о возможности зарегистрировать пропавших без вести родственников слишком поздно. Кришна Чаудхари соглашается с тем, что люди плохо информированы: «Действительно, мы тогда не знали, что есть организации, которые могут нам помочь».

Тем временем сотрудники МККК в Катманду регулярно встречаются с представителями правительства и убеждают их ратифицировать те или иные договоры либо присоединиться к ним. Среди этих договоров можно назвать Дополнительные протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям, Римский статут Международного уголовного суда и новую Конвенцию ООН для защиты всех лиц от насильственных исчезновений. Сотрудники МККК дают рекомендации относительно того, каким образом Непалу следовало бы укрепить свое законодательство. Они стремятся ознакомить личный состав сил безопасности и вооруженных сил с международным гуманитарным правом (МГП). Инспектор Манной Кумар КС из отдела прав человека непальской полиции говорит, что проблема во время войны в известной степени состояла в «правовой безграмотности». МККК систематически организует семинары по МГП для офицеров вооруженных сил.

«Многие женщины умоляли забрать и их тоже. Некоторые просили убить их вместо мужей, чтобы у детей остались кормильцы».

Важность восстановления справедливости

*«За зданием – кладбище,
пока еще почти пустое».*

Во многих странах у власти остаются люди, которые в свое время сами совершали жестокие преступления или приказывали их совершать. Им есть что терять. Это ставит МККК и другие организации в непростое положение.

В прошлом году в мае МККК провел в Непале трехдневный “круглый стол”, посвященный международному гуманитарному праву и проблеме пропавших без вести. В нем отдельно участвовали должностные лица из правительственных учреждений, представители институтов гражданского общества и парламентарии. В первый день работы “круглого стола” атмосфера накалилась, когда был поднят вопрос о пропавших без вести. На утверждение сотрудников МККК о том, что до сих пор неизвестна участь более 900 человек, некоторые представители властей отреагировали, поставив эту цифру под сомнение. Они приводили примеры махинаций и указывали на то, что тысячи непальцев каждый месяц уезжают за границу на заработки. Как вообще можно доказать, что кто-то исчез?

Цель МККК

Цель МККК состоит в том, чтобы привлечь внимание правительств, представителей вооруженных сил, широкой общественности, международных и национальных организаций (в том числе и Движения Красного Креста и Красного Полумесяца) к трагедии людей, которые пропадают без вести в результате вооруженного конфликта или ситуации насилия внутри страны, и к страданиям их близких.

Неизвестность относительно участи родственника – суровая реальность для бесчисленных семей во всем мире. Родители, братья и сестры, жены, дочери и сыновья отчаянно разыскивают пропавших близких. Семьи и целые группы населения из-за невозможности ответить на вопрос – жив исчезнувший человек или нет – не могут отрешиться от страшных событий, которые сломали их жизнь. Для них остается закрытой возможность реабилитации и примирения – как в личном плане, так и на уровне всей общины. Такие гноящиеся раны могут повредить саму ткань общества и отравить отношения между группами и целыми нациями на десятилетия.

“Отрицание существования проблемы вряд ли принесет пользу вашей стране”, – ответила Мери Вернц, глава Делегации МККК в Непале. “Напротив, дав ответы семьям, власти только повысили бы свой моральный авторитет”.

МККК убеждает непальское правительство учредить на долгосрочной основе комиссию по делам лиц, пропавших без вести, для прояснения участи исчезнувших лиц и удовлетворения материальных, юридических и психологических потребностей семей. Чтобы избежать затяжных “патовых” ситуаций комиссии следовало бы оставаться в стороне от принятия политических мер и судебных разбирательств. “Если допустить политизирование проблемы, семьи никогда не дождутся ответа”, – говорит Корбо.

Исходя из своего мандата и опыта, МККК занимается исключительно гуманитарными аспектами. Восстановление справедливости относится, скорее, к компетенции таких организаций, как Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, которое тоже активно призывает к созданию в Непале комиссии по делам лиц, пропавших без вести. Цель этого учреждения системы ООН, тесно сотрудничающего с Верховным судом, – “покончить с безнаказанностью” – отличается от задач, которые ставит перед собой МККК. Сандра Бейдас объясняет: “Мы подходим к проблеме с точки зрения права прав человека и стараемся установить не только местонахождение пропавшего без вести, но и выявить тех, кто несет ответственность за его исчезновение, и решить вопрос о компенсации”.

Этот приоритет разделяет и Международная комиссия юристов. Сюзан Эпплард, руководитель программы для Азиатско-Тихоокеанского региона, выступила от имени родственников пропавших без вести на пресс-конференции в Катманду. Она настаивала на том, чтобы все дела – даже военнослужащих – рассматривались в гражданских судах. Она привела пример Шри-Ланки. “В конце 1980-х годов там насчитывалось 12 тысяч пропавших без вести. И все эти случаи были официально задокументированы комиссией, которая была учреждена в Шри-Ланке в середине 1990-х годов. Однако не были сделаны две вещи: судебных преследований было очень мало и насильственные исчезновения не были включены в качестве преступного деяния во внутреннее законодательство. Сейчас люди

Публикуется с разрешения Рептер / Буддимавазонгх

снова стали пропадать без вести в Шри-Ланке, и мне не хотелось бы возврата к этой практике в Непале”.

Международные организации играют важную роль в решении этой проблемы, но все они соглашаются с тем, что повести общество к примирению и залечить его раны должны в первую очередь государственные власти соответствующей страны. Во время войны в бывшей Югославии Беатрис Межеван-Рогго возглавляла Делегацию МККК в Сараево и знает об этом конфликте не понаслышке. “В Боснии страница так и не была перевернута”, – говорит она. “Множество останков были идентифицированы, а вот те, кто много знал, по-настоящему не захотели, чтобы начался процесс установления истины и примирения. Именно поэтому мы придаем такое значение механизмам, в которых задействованы и власти. Им нужно понять, что данная проблема касается их самым непосредственным образом”.

Исчезновения могут затрагивать огромное число людей. В Боснии и сейчас 13 тысяч человек числятся пропавшими без вести. Если учесть не только близких, но и дальних родственников, которые не могут забыть и простить, эту цифру нужно умножить на десять или даже на двадцать.

И все равно потребности семей редко становятся приоритетом, ведь общий застой в стране может растягиваться на десятилетия. Для того чтобы произошли изменения, возможно, потребуется полностью заменить администрацию или проявить прагматически мотивированное желание улучшить имидж страны. На Кипре потребовалось сорок лет, чтобы группы судебно-медицинских экспертов, представляющих обе общины, начали раскапывать места массовых захоронений. И в Испании через 70 лет после гражданской войны только-только начали заниматься никак не обозначенными братскими могилами, в которых покоятся останки десятков тысяч человек.

В Грузии ситуация остается тупиковой. На покрытом бурьяном холме над Тбилиси стоит музей пропавших без вести – простое маленькое здание, в котором всего три комнаты. Над входом надпись по-грузински “Молодини” (“Они ждут”). Стены завешаны черно-белыми фотографиями молодых людей, а на столах под ними лежат разные случайно выбранные вещи пропавших без вести – боксерские перчатки, черные балетные туфли, дипломы... За зданием – кладбище, пока еще почти пустое. Там, где должны быть надгробья, все заросло высокой травой. Рядом – недостроенная церковь с голыми бетонными стенами и торчащими наружу

«Половина родственников поставили свечки за мертвых, а другая – за живых».

ржавыми стальными балками. Она посвящена памяти пропавших без вести. Возводить ее начали десять лет назад, а потом стройка замерла из-за отсутствия финансирования. Все это точно отражает нынешнее положение дел в стране.

Конфликт в Абхазии вспыхнул в 1992 г., а в 1993 г. было заключено соглашение о прекращении огня. Мир получился, скорее, худой, а боевые столкновения по-настоящему так и не прекратились. Сейчас пропавшими без вести считаются 1800 грузин и 135 абхазов, половина – военнотружущие, а другая – гражданские лица. Практически все останки находятся в Абхазии, потому что именно там шли бои. Главная проблема в том, чтобы точно знать, где их искать. У каждой стороны есть своя комиссия по пропавшим без вести, но обе работают под контролем властей и почти не общаются друг с другом. Со времени окончания конфликта прошло 14 лет, и МККК – практически единственная международная организация, которая продолжает работать в этой области.

“Мы не можем сказать, что власти рассматривают данный вопрос как приоритетный”, – говорит координатор МККК по предоставлению защиты Самюэль Эмоне. “В результате диалога между сторонами нет, а без диалога о том, где находятся захоронения, невозможно ничего сделать по конкретным делам пропавших без вести”.

В Грузии большинство пропавших сыновья, а не мужья, а для родителей нет страшнее горя, чем пережить своих детей. Кети Апридонидзе – грузинка, работающая в тбилисском офисе МККК, вспоминает, как она однажды сопровождала в церковь двадцать семей пропавших без вести. “В православной церкви свечки за живых

и за мертвых ставят в разных местах. Половина родственников поставили свечки за мертвых, а другая – за живых”.

Вероятнее всего, сейчас большинство пропавших без вести уже мертвы. Обе стороны заявили, что у них нет тайных мест содержания под стражей. Сегодня семьям нужно лишь подтверждение этого, ну и останки – чтобы хоть что-то положить в гроб.

В деревне Хашури в двух часах езды от Тбилиси, Нино Сулаберидзе наливает нам сладкий кофе по-турецки и достает фото своего сына, который в 19 лет пошел служить в грузинский спецназ. Коренастый молодой человек с блестящими черными волосами гордо позирует вместе с друзьями с автоматом через плечо и сигаретой в руке. После шести месяцев начальной подготовки его отправили в Абхазию, куда он прибыл в ноябре 1992 г. Больше от него вестей не было. Муж Нино обошел весь район, год искал сына, спал в казармах на тех самых койках, на которых спал его сын, проверял любые слухи о нем. “Я должна знать правду”, – говорит скорбящая мать. “Даже если это будет горькая правда, все равно она нужна, иначе так и буду горевать”.

Ее соседка Нина Кортиашвили тоже видела своего сына в последний раз в день его отправки на фронт. Однажды к ней пришли какие-то мужчины с гробом на плечах и сказали, что в нем останки ее сына. Потребовали денег и предупредили, что гроб открывать не стоит – лицо сына сильно обезображено. А она взяла и открыла – гроб был пустой. “Я и сегодня верю, что он жив! Каждый раз, когда слышу скрип калитки, чувствую – это он”.

Тем временем МККК пытается убедить власти обеих сторон начать переговоры друг с другом и на всякий случай готовится к работе. Он финансировал сбор прижизненной информации, такой, например, как стоматологические данные, сведения об одежде и личных вещах, сообщенные родственниками, чтобы сравнить их с данными, которые будут получены при эксгумации останков.

Под руководством Шуалы Драуди, регионального советника МККК по судебно-медицинским вопросам, было проведено несколько семинаров для местных судебно-медицинских экспертов по розыску, эксгумации и анализу останков. “Здесь есть специалисты”, – говорит она. “Как и их коллеги в большинстве стран мира, они не привыкли иметь дело с большим количеством скелетных останков. Подготовка, которую мы даем, расширяет их горизонты и адаптирует их знания к работе по тематике пропавших без вести”.

Объединения семей

Семейные сети или ассоциации – группы семей, объединенных общим горем – потерей близкого человека, который пропал без вести.

Они могут сыграть важную роль на разных уровнях:

- *поддерживать друг друга и обеспечивать взаимопомощь при решении социально-экономических и психологических проблем;*
- *показывать, что семьи – не только жертвы, но и активные участники решения проблем, связанных с пропавшими без вести;*
- *оказывать давление на политиков;*
- *привлекать внимание общественности к данному вопросу и его последствиям для родственников;*
- *способствовать тому, чтобы власти уделяли должное внимание проблеме пропавших без вести.*

Судебно-медицинская экспертиза: чрезвычайно важная стадия работы

«Яма с костями, черепами и обрывками одежды на дне, а кругом тишина и никого кроме нас, судебно-медицинских экспертов».

Во всем мире

В настоящее время МККК работает по тематике пропавших без вести в десятках стран всех регионов мира, в том числе:

в Африке: Ангола, Кот д'Ивуар, Эритрея, Эфиопия, Демократическая Республика Конго, Намибия, Сомали, Судан, Зимбабве;

в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Восточный Тимор, Индонезия, Непал, Пакистан, Филиппины, Шри-Ланка;

в Европе: Босния и Герцеговина, Кипр, бывшая Югославская Республика Македония, Российская Федерация, Армения, Азербайджан, Грузия, Сербия (Косово);

в Америке: Аргентина, Чили, Колумбия, Гватемала, Гаити, Перу.

на Ближнем Востоке и в Северной Африке: Иран, Ирак, Иордания, Израиль, Кувейт, Марокко.

С останками нужно обращаться очень аккуратно, чтобы не потерять ценную информацию. Иначе можно сместить и растерять имеющиеся отношения к делу фрагменты. В настоящее время в любом досье пропавшего без вести присутствуют судебно-медицинские данные, а ведь судебно-медицинский отдел появился в МККК совсем недавно – в 2003 г. Организация не занимается непосредственно эксгумациями, а вырабатывает руководящие принципы, готовит местных экспертов, иногда помогает координировать решение вопросов методологического характера. Сейчас готовится стандартизированная база прижизненных и посмертных данных, которая будет доступна для всех специалистов.

В Женеве координатором МККК по судебно-медицинским вопросам является д-р Моррис Тибалл-Бинц – аргентинец, который был одним из инициаторов создания в 1980-х годах новаторской Аргентинской судебно-антропологической бригады (АСАБ). Он рассказывает о том, как ассоциация бабушек – “Абуелас де Пласа де Майо” – помогла превратить судебную медицину в инструмент розыска детей, пропавших без вести во времена военной диктатуры. “Когда в Аргентине убивали или похищали молодых людей, их детей отдавали на усыновление военным или сторонникам правительства. И вот бабушки стали задаваться вопросом: “А как я узнаю ребенка, которого я в жизни не видела?”. Бабушки стали ездить по разным странам в поисках нужных специалистов – генетиков и судебных антропологов”. В 1983 г. власти пришли другое правительство, и экспертов пригласили в Аргентину, где они приступили к первым гомогенетическим исследованиям, в рамках которых по генетическим параметрам сравниваются образцы крови детей и их предполагаемых родственников.

Тем временем массовые захоронения жертв хунты вскрывали грубо, часто бульдозерами, не заботясь о сохранности вещественных доказательств. Родственники настаивали на независимом расследовании, в результате в Аргентину приехала делегация ведущих мировых судебно-медицинских экспертов. Они подготовили молодых научных сотрудников, которые и образовали Аргентинскую судебно-антропологическую бригаду. АСАБ надлежащим образом организовала эксгумацию и опознание останков в своей стране, а затем стала передавать свой опыт коллегам в более чем тридцати странах Латинской Америки, Азии Африки и Европы.

На Балканах, где судебно-медицинские мероприятия проводятся в беспрецедентных масштабах, на начальной стадии основное внимание уделялось уголовному расследованию. Как объясняет Тибалл-Бинц, правила работы тогда не всегда соблюдались, потому что Международный уголовный трибунал в то время в основном заботил вопрос “как погибли эти люди?”, а не “кем они были?”. С тех пор опознание стало приоритетным

направлением работы, и останки погибших наконец достойным образом предаются земле после стольких лет. Беатрис Межеван-Рогго рассказывает: “Я посетила недавно вскрытое захоронение в Сребренице. Меня поразило неестественное положение скелетов. Так бывает, когда тела просто сбрасывают в яму. К тому моменту у меня уже был многолетний опыт работы в этой области, но то, что я увидела: яма с костями, черепами и обрывками одежды на дне, а кругом тишина и никого кроме нас – судебно-медицинских экспертов, глубоко меня взволновало”.

Однако, к сожалению, эксгумация – работа кропотливая и не терпящая спешки. Даже в Латинской Америке, где достаточно судебно-медицинских экспертов и руководящие принципы, как правило, соблюдаются, семьям пропавших без вести придется набраться терпения. “В Аргентине в конце правления военной диктатуры по самым приблизительным подсчетам было десять тысяч пропавших без вести”, – говорит советник по судебно-медицинским вопросам Шуала Драуди. “Две тысячи были эксгумированы и четыреста – опознаны, их останки были переданы родным. По оценкам АСАБ, работы осталось лет на двадцать”.

В этой долговременности и заключается специфика проблемы пропавших без вести на всех стадиях работы. Как подчеркивает Беатрис Межеван-Рогго: “Здесь нельзя ставить перед собой амбициозных целей”. Самюэль Эмоне (МККК), который прибыл в Тбилиси два года назад, тоже научился сдерживать свое нетерпение. “Я понял, что работа с делами пропавших без вести не имеет ничего общего с разворачиванием хирургического полевого госпиталя для раненых на войне, на которое требуется неделя. А здесь нужны годы и годы, поэтому свой вклад нужно оценивать со всей возможной скромностью, ведь от тебя лично не так много зависит”.

Систематический подход и упорство в достижении цели

Пришло время серьезно заняться вопросом о лицах, пропавших без вести, и добиться соблюдения права людей знать, что произошло с их близкими и, если они умерли, где находятся их останки. И тут можно добиться успехов, если есть готовность к долговременной работе в этом направлении. Хотя на это может потребоваться время, равное жизни целого поколения, абсолютно необходимо продолжить решать эту проблему, потому что семьи лиц, пропавших без вести, во всем мире, по крайней мере, имеют право на ответ.

“Лучше получить подтверждение самого худшего, чем потерять близкого и продолжать мучиться от неопределенности”, – говорит Нино Сулаберидзе из Грузии, которой ничего не удалось узнать о судьбе пропавшего сына. “Я бы охотно поменялась местами с матерью, которая может приходить на могилу своего сына”.

Цели и задачи

Международный Комитет Красного Креста (МККК) – беспристрастная, нейтральная и независимая гуманитарная организация, чья исключительно гуманитарная миссия состоит в том, чтобы защищать жизнь и достоинство жертв войны и насилия внутри страны и предоставлять им помощь. Он возглавляет и координирует международную деятельность по оказанию помощи Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца в ситуациях конфликта. Он также стремится предотвращать страдания людей посредством распространения знаний о международном гуманитарном праве и универсальных гуманитарных принципах и их укреплении. Основанный в 1863 г., МККК стоял у истоков Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца.

THE MISSING

право знать

МККК